

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕАЛИИ

А. А. Кретов, Н. А. Фененко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 октября 2012 г.

Аннотация: в статье рассматриваются различные теории реалии, получившие наибольшее распространение в современной лингвистике. Отмечая отсутствие единства в трактовке термина и критериев классификации реалий, авторы предлагают собственную концепцию, позволяющую представить целостное системное описание анализируемого явления в аспекте освоения «своим» языком «чужой» действительности.

Ключевые слова: реалия, типология реалий, R-реалия (натурфакт, артефакт), C-реалия (ментефакт), L-реалия (номинация культурного концепта), реноминация.

Abstract: the article considers different concepts of realia, widely spread in modern linguistics. The authors point out the lack of agreement on the interpretation of the term as well as the criteria of their classification. Thus the authors suggest their own concept, which allows to provide systematic, complex description of this phenomenon in terms of renominating of «strange culture» realias using the mother tongue.

Key words: realia, typology of realias, R-realial (nature fact, artifact), C-realial (mental fact), L-realial (nomination of a cultural concept), renomination.

Получивший широкое распространение в лингвистике термин «реалия» несет на себе печать различных концепций, покрываемых понятием интерлингвокультурологии, который обозначает «область исследования в сфере пересечения языков и культур» [1, с. 29]. В центре внимания наук, относящихся к данной области (см., например, А. Вежбицкая [2], А. А. Залевская [3], В. И. Карасик [4], Ю. А. Сорокин [5] и др.), находятся проблемы взаимосвязи языкового знака и этнического сознания. Именно поэтому раздел о реалиях как важнейших культуронесущих единицах становится для них объединяющим.

Сам факт обращения лингвистов к понятию «реалия» является знаковым. Он сигнализирует о выходе языкознания за рамки ортодоксально-структуралистского подхода, сосредоточившего свои усилия на языке, рассматриваемом «в самом себе и для себя» [6, с. 269]. Кроме того, он свидетельствует о формировании новой парадигмы исследования, которая открывает возможности определять параметры культуры с опорой на языковые культурно-специфические концепты. В русле данной научной парадигмы языковая единица рассматривается исследователями как репрезентант культуры, квинтэссенция культуры, хранящая в себе память о «порядке культуры», о культурных кодах и несомых ими культурных установках, или прескрипциях, опознаваемых данным

лингвокультурным сообществом (Н. Д. Арутюнова [7], Ю. Н. Караулов [8], Е. С. Кубрякова [9], Ю. С. Степанов [10], С. Г. Тер-Минасова [11] и др.).

Первое системное описание реалии было принято основоположниками лингвострановедения – раздела лингводидактики, который направлен на изучение языка в тесной взаимосвязи с культурой народа-носителя данного языка. Анализ реалий в лингвострановедении базируется на кумулятивной функции языка, связанной с отражением, фиксацией и сохранением в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности. Значение слова, согласно лингвострановедческой теории, является «вместилищем» знаний о неязыковой действительности и состоит из лексического понятия и лексического фона, который представляет собой «активный инструмент просеивания, отбора и хранения коллективного опыта» [12, с. 63]. Реалии обладают наиболее ярким национально-культурным фоном, т.е. «набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем носителям данного языка» [13, с. IV].

Основой системного подхода к анализу лингвострановедчески ценной лексики (в состав которой входят и слова-реалии) является экстралингвистический (тематический) принцип, согласно которому выделяют несколько типов реалий: политические и экономические реалии; топонимы и антропонимы с

культурным компонентом значения; реалии литературы, мифологии, фольклора, культуры и искусства; реалии национального быта – названия блюд, напитков, одежды, домашней утвари, транспортных средств и т.п. Связь слова с культурой – главный принцип отбора и представления лексических единиц в лингвострановедческих словарях, отражающих «соединение, взаимопроникновение языка и культуры». Словарная статья такого типа словарей содержит как страноведческую (энциклопедическую), так и филологическую информацию, что весьма важно в целях лингводидактики.

Анализируя перечисленные выше группы реалий, Г. Д. Томахин предлагает подвести их под более широкие понятия и объединить в две большие категории: ономастические реалии и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой [14, с. 8]. Подробно описывая эти группы, исследователь, однако, сам вынужден признать сложность определения границ данного класса слов в связи с его открытым и недифференцированным характером. Достаточно отметить, что, например, реалии художественной литературы попадают одновременно в несколько рубрик ономастических, а также в одну из рубрик апеллятивных реалий. Ориентация на исключительно «вещные» денотаты заставляет Г. Д. Томахина вывести из анализируемого класса лексики «психологические реалии», «рекламные реалии», метафорические реалии, которые передают особенности национального характера, черты психологического склада нации, своеобразие мышления. Они не входят в сферу интересов лингвострановедения, так как не находят конкретного выражения в лексических единицах. Отсутствие надежного критерия систематизации не дает возможности определить и статус «реалий афористического уровня» – цитат, крылатых слов и выражений и приводит к появлению нерядоположных понятий, что нарушает стройный характер классификации реалий.

Теория перевода относит реалии к «непереводимым» единицам языка или безэквивалентной лексике, т.е. к лексическим единицам (словам и устойчивым словосочетаниям), «которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка (реалии, временно безэквивалентные термины, случайно безэквивалентные слова)» [15, с. 24–25]. В фундаментальных трудах по переводоведению отечественных и ряда зарубежных ученых рассматриваются принципы воспроизведения реалий в процессе перевода, способы и приемы их передачи в зависимости от жанрово-стилистической специфики текста. Особое внимание уделяется проблеме возникновения лингвокультурологических лакун как следствию употребления реалии, а также способам их компенсации в тексте. Здесь можно отметить разработанную Ю. А. Сорокиным специальную класси-

фикационную сетку, которая позволяет интерпретировать лакуны через признаки «непонятность», «непривычность», «экзотичность», «незнакомость» («чуждость»), «неточность» («ошибочность»). Данная классификационная сетка дает возможность выявить, какие культурно-языковые/речевые фрагменты и их социально-психологические корреляты сохраняют свою инобытность после переноса в иную лингвокультурную общность [16], что дает переводчику ключ к выбору стратегии элиминирования лакуны в тексте.

Комплексная переводоведческая теория реалии разработана болгарскими исследователями С. И. Влаховым и С. П. Флориным [17]. Она носит интегративный характер, поскольку включает элементы лингвистического, филологического, литературоведческого и культурологического подходов. Проблемы реалии решаются авторами на основе сопоставительного анализа текста оригинала и перевода в связи с категорией национального колорита. Национальная окрашенность – важнейшая характеристика, на которой, по мнению авторов, основывается определение реалий как слов и словосочетаний, называющих «объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [там же, с. 59–60]. Данное определение дополняется детальным анализом отличий слов-реалий от близких им классов слов – специальных терминов, имен собственных, обращений, диалектизм, иноязычных вкраплений. Рассматривая реалии как факт «непереводимого в переводе», который «можно и должно перевести», ученые стремятся очертить границы этого класса лексических единиц исходя из их разнородных характеристик.

Наряду с денотативным значением (национальная принадлежность референта), болгарские переводоведы выделяют коннотативное значение реалий, связанное с передачей местного (регионального, локального) и временного (исторического) колорита, что позволяет им систематизировать реалии на основе лингвистического критерия (коннотативное значение). Используя дополнительные параметры анализа (степень освоенности, распространенности, формы реалии и приема перевода), авторы выстраивают подробную многоаспектную классификацию реалий в аспекте их предметного, местного, временного и переводческого деления.

В книге С. И. Влахова и С. П. Флорина впервые изложена целостная концепция реалии как национально окрашенной единицы языка, специфика кото-

рой проявляется в переводе. Концепция болгарских ученых существенно углубила лингвострановедческую теорию реалии, обогатив ее такими переводоведческими категориями, как «местный» и «временной» колорит, стирание колорита, «коннотативное» (ассоциативное) и контекстное/ситуативное значение реалии, функция реалии в оппозиции «свой»/«чужой». И, хотя, по признанию авторов, не все в их теории «бесспорно, не все вопросы решены, да и не все поставлены», им удалось привлечь внимание к категории «реалия», которая «оказалась намного более интересной и не столь простой и однозначной, какой казалась вначале» [17, с. 10].

С позиций сопоставительной лингвистики, цель которой – «изучение одного языка в зеркале другого», проблема реалии подробно рассматривается в трудах известного отечественного романиста В. Г. Гака.

В. Г. Гак считает реалии важной составляющей «пространства культуры», которое включает в себя как материальную, так и духовную культуру, и может рассматриваться как совокупность определенных признаков (культурем). Реалия и культурема тесно связаны между собой, но не тождественны друг другу. Если под реалиями понимается всё, что относится к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения, то культурема – это языковое выражение реалии, формальный и содержательный знак, который соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реалии – предмета или ситуации [18, с. 142].

В результате сопоставительного анализа русского и французского языков ученый выделил 4 типа соотношения реалий: 1) реалия, свойственная русской культуре, отсутствует во французской; 2) реалия, свойственная французской культуре, отсутствует в русской; 3) реалия отсутствует в обеих культурах; 4) реалия существует в обеих культурах [18, с. 143]. Четвертый случай – наиболее сложный, поскольку свидетельствует о существовании «ложных друзей» на уровне реалий и демонстрирует расхождения трех видов:

а) несовпадение устройства и функции сходных реалий (ср. французское *mairie* и русское *мэрия*);

б) различная сочетаемость сходных реалий (русские говорят «*Спасибо!*» в конце еды, французы выражают свою благодарность, расхваливая блюда «по мере их поступления»);

в) различная частотность сходных реалий (большая распространенность некоторых видов телевизионных языковых игр, обусловленных особенностями французского языка, и малая их распространенность на русском телевидении).

При сопоставлении культурем в различных языках обнаруживаются факты как симметрии, так и асимметрии, причем последняя проявляется в трех планах:

– семиотическом (отсутствие одного из компонентов знакового отношения – означаемого или означающего);

– парадигматическом (расхождение на одном из уровней знаковых отношений);

– синтагматическом (различные деления разными социумами континуальности предметного ряда) [18, с. 150].

С точки зрения В. Г. Гака, в культурах, которые имеют языковое выражение, языковой знак М+С (где М – форма, С – содержание) является означающим, а реалия (R) – означаемым. Используя данные символы, В. Г. Гак исчисляет 6 типов расхождений в выделении и наименовании реалий в русском и французском языках.

Предложенная отечественным романистом классификация представляет собой пример последовательной систематизации основных типов знаковых отношений в структуре культурем, а также типов межъязыковых расхождений в этой сфере. Подобный семиотический подход позволяет точно и всесторонне сопоставить реалии двух культур и их словесные обозначения, хотя, как отмечает сам автор теории, понятие культуремы требует существенного уточнения [18, с. 145]. Не совсем ясным остается вопрос, сводится ли семантика реалии к «вещным» денотатам или она может быть представлена также культурными концептами, за которыми стоят виртуальные, абстрактные сущности, принадлежащие ментальному миру. Ученый подробно не анализирует данный вопрос, хотя в семантических концепциях значимыми оказываются именно эти категориальные сущности.

В лингвокультурологических исследованиях акцент делается на системе базовых ментефактов, кодов культуры и эталонов национального языкового сознания. Ментефакты, представляющие собой элементы содержания сознания, рассматриваются исследователями в качестве основных единиц культурного пространства. Их системное описание (на примере ментефактов русского языкового сознания) представлено в работе В. В. Красных [19]. Оно осуществляется путем «разбиения» анализируемых явлений на несколько рангов, из которых только второй наиболее тесным образом связан с проблемой реалий. В этот ранг включены прецедентные феномены, артефакты, духи (бестиарии) и стереотипы, которые разграничиваются на основе критерия, формируемого двумя основополагающими признаками: единичность/множественность, прототипичность/отсутствие таковой (прототипичность понимается как наличие изначально-

ного «единого» визуального образа предмета). Бестиарии – это духи, демоны, «населяющие» сказочное пространство русского национально-лингвокультурного сообщества (*водяной, русалка, леший, кикимора, домовый* и т. п.). Артефакты – это предметы из вторичного, сказочного мира, которые являются национально-маркированными и значимыми для русской культуры (*шапка-невидимка, сапоги-скороходы, молодильные яблоки*). Термин «реалия» употребляется автором только по отношению к артефактам и понимается как предмет действительности, на котором основывается «изначальный образ артефакта» (с. 337). Такое узкое понимание термина реалии типично для работ, в которых описывается национально-культурная специфика дискурса с позиций лингвокультурологии на основе лингвокогнитивного подхода.

Рассмотренные выше теории реалии свидетельствуют о значительном вкладе их авторов в разработку фундаментальной проблематики функционирования соответствующих языковых единиц. Вместе с тем ряд проблем остаются спорными и требуют своего дальнейшего изучения.

Нерешенным оказывается ключевой вопрос, связанный с дефиницией термина «реалия». Трудности его решения объясняются, прежде всего, экстраполяцией данного термина в лингвистику из других наук. Унаследованный из классических грамматик и образованный от латинского *realis* («вещественный», «действительный»), термин «реалия» сохраняет свое этимологическое значение в большинстве лингвистических работ, где понимается как «единичный предмет, вещь». Подобное толкование термина закреплено и теорией номинации, где «реалия» определяется как денотат имени или «совокупность свойств, вычлененных в актах номинации у всех обозначаемых данным именем реалий, т.е. класса объектов» [20, с. 336]. В таком понимании класс реалий ограничивается исключительно языковыми единицами, которые характеризуются «вещностью» денотата. Однако понятие «вещности» оказывается зачастую подвижным, расплывчатым (в частности, если речь идет о словах, обозначающих явления или феномены национальной культуры – *Парижская коммуна, Вторая мировая война* и т. п.), что сближает семантику конкретной и абстрактной лексики. Тем самым в круг реалий вовлекаются языковые единицы, которые отображают национальную культуру, но репрезентируют культурные концепты, что существенно расширяет традиционные границы реаликона.

Еще одна проблема состоит в недифференцированном употреблении термина «реалия» – он используется как для именованного самого предмета реальной действительности, так и для его языкового номинанта. Попытки специфицировать его значение с помо-

щью уточняющих терминов («слова-реалии», «знаки-реалии», «имена-реалии», «реалии-американизмы», «реалии-советизмы», «реалии-неологизмы», «реалии-историзмы») не решают принципиального вопроса дефиниции этого класса языковых единиц.

Проблема осложняется, кроме того, использованием серии синонимичных или квазисинонимичных реалии терминов: культурема, лингвокультурема, а также многочисленных специальных терминов-гипонимов: локализм, бытовое слово, алиенизм или гиперонимов: экзотизм, варваризм, этнокультурная лексика, этнолексема и др.

Отсутствие единства в терминологии, недостаточная разработанность исходной базы анализа свидетельствуют об отсутствии общепринятого подхода к фактам, которые можно объединить понятием реалии, что существенно затрудняет их осмысление в аспекте языкового освоения действительности, а также их категоризацию.

В свете изложенного представляется целесообразным рассматривать весь комплекс вопросов, связанных со спецификой реалии, в триаде «семантического треугольника» (предмет – понятие – слово), которую мы рассматриваем как необходимую, минимальную и достаточную схематизацию, выражающую отношения именованного.

В этом случае корректность терминологии предполагает выделение каждой из сторон реалии «в чистом виде» и использование для ее обозначения специального термина [21, с. 7]:

- реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) – R-реалия;
- реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт) – C-реалия;
- реалия как средство номинации культурного концепта – L-реалия.

При этом под реалией мы понимаем языковой знак, обозначающий свойственный одной культуре и отсутствующий в другой натурфакт/артефакт, отличающийся вещностью денотата, а также ментефакт, определяющий моральные, художественные ценности нации и черты ее национального менталитета. Реалии в одном языке всегда соответствует лакуна в другом.

Предлагаемый понятийный аппарат дает возможность непротиворечиво описать типологию реалий в аспекте теории реноминации, суть которой состоит в назывании («отображении») чужого денотата, отраженного в сигнификате, средствами своего языка, в процессе которого может происходить некоторое преобразование (изменение) сигнифика [22, с. 154].

Рассмотрим подробнее особенности использования данного подхода на материале «Французского лингвострановедческого словаря» [23], который поз-

воляет проследить особенности процесса освоения русским языком французской действительности.

I. В процессе описания не освоенной, или не принятой, «чужой» материальной реальности (R-реалии), возможны три варианта [24, с. 60].

1. Адаптация чужой реальности (прагмосферы) путем приравнивания чужой реалии к имеющемуся понятию, которому соответствует свое слово или устойчивое сочетание. В этом случае адаптация идет по типу «чужая R-реалия > своя C-реалия > своя L-реалия». При этом в языке, для которого описываемая действительность является чужой, не происходит изменений ни в концептосфере, ни в словаре. Чужая действительность «искажается», деформируется, подравнивается под свою, выдается за свою, описывается как своя. Ср., например, французское *bouillabaisse* и русское *уха*. В результате мы имеем так называемую адаптивную R-реалию в языке-источнике, которой соответствуют незаполненная R-лакуна, C-лакуна и L-лакуна в языке-получателе.

2. Описание чужой реальности средствами своего языка осуществляется по типу «чужая R-реалия > чужая C-реалия > своя L-реалия». Данный способ реноминации влечет изменения в концептосфере языка-получателя: появляется новое значение, описывающее чужую объективную реальность. Ср., например, французское *buche de Noel* и русское *рождественское полено (кондитерское изделие в форме полена, которое съедают на рождественском ужине)*. В словаре принимающего языка изменений не происходит, но в его фразеологии появляются новые необычные словосочетания: *блошинный рынок (marche aux puces)*, *ассоциированный профессор (professeur associe)*, *социальные калеки (handicapes sociaux)* и т.п. В результате мы имеем чистую C-реалию в языке-получателе при L-лакуне в прагмосфере и C-лакуне в словаре.

3. Описание чужой реальности средствами чужого языка по типу «чужая R-реалия > чужая C-реалия > чужая L-реалия». При этом происходят изменения как в концептосфере языка-получателя (появляется новое, «чужое» значение), так и в его словаре: появляется «чужое» слово, используемое для описания чужой объективной реальности. Ср., например, французское *bidonville* и русское *бидонвиль (хаотичный поселок, построенный самими жителями, из случайных материалов)*. В результате возникает L-реалия-прагмоэкзотизм, используемый для описания чужой прагмосферы.

II. При описании принятой «чужой» материальной реальности (R-реалии) возможны два варианта.

1. Описание «чужой» реальности, ставшей частью своей, средствами своего языка. Этот процесс осуществляется по типу «освоенная чужая R-реалия > чужая C-реалия > своя L-реалия». В этом случае в

концептосфере языка-получателя появляется новое значение, в словаре (или фразеосфере) – новая номинативная единица, состоящая из «своих» морфем или словоформ и образованная на основе калькирования. Ср.: *chanson politique* – *политическая песня*, *cine-club* – *киноклуб*.

2. Описание чужой реальности, ставшей частью своей, средствами чужого языка. Этот процесс осуществляется по типу «освоенная «чужая» R-реалия – чужая C-реалия > чужая L-реалия». В результате в концептосфере языка-получателя появляется новое значение, а в его словаре – новая чужая лексема. Ср., например, французское *bouquiniste* и русское *букинист*. В языке-получателе мы имеем заимствованную L-реалию (заимствование).

III. При описании не принятой (не освоенной) чужой идеальной реальности (C-реалии) возможны следующие варианты.

1. Адаптация чужой C-реальности путем приравнивания ее к имеющемуся понятию, которому соответствует свое слово или устойчивое словосочетание: «чужая C-реалия > своя C-реалия > своя L-реалия». Изменений в языке, для которого описываемая действительность является чужой, не происходит – ни в концептосфере, ни в словаре. Чужая действительность «искажается», деформируется, «подравнивается» под свою, выдается за свою, описывается как своя. Ср., например, французское *politique de Gribouille* (*Путаная, неразумная, нелепая политика. Названа по имени вымышленного персонажа Грибуий, который от дождя прячется в воде*) и русское *политика шиворот-навыворот, ротозейство*. В результате мы имеем адаптивную C-реалию в языке реципиенте при C-лакуне и L-лакуне.

2. Описание чужой субъективной реальности средствами своего языка. Реноминация в этом случае осуществляется по типу «чужая C-реалия > чужая C-реалия > своя L-реалия». Это влечет изменения в концептосфере языка-получателя, поскольку появляется новое значение, описывающее чужую субъективную реальность. В словаре языка-получателя изменений не происходит, но во фразеологии появляются новые необычные словосочетания. Ср., например, *cycle elementaire* – «элементарный цикл» (*период обучения в начальной школе. Длится два года, с 6–7-летнего до 8–9-летнего возраста*). Как следствие, получаем калькированную C-реалию в языке-получателе при L-лакуне в его словаре.

3. Описание чужой субъективной реальности средствами чужого языка. Данный процесс можно охарактеризовать типом «чужая C-реалия – чужая C-реалия > чужая L-реалия». Как видим, в процессе реноминации все лакуны заполнены. Изменения происходят и в концептосфере языка-получателя (появляется новое – «чужое» понятие), и в словаре

– появляется «чужое» слово, используемое для описания чужой объективной реальности. Ср., например, французское *boulangisme* и русское *буланжизм* (*Националистическое движение, возникшее в конце 80-х годов XIX века в условиях политического и экономического кризиса Третьей республики. Названо по фамилии Буланже (1837–1891), который пользовался поддержкой партии радикалов*). В результате возникает L-реалия-ментеэкзотизм (иноязычное вкрапление, используемое для описания чужой концептосферы).

IV. При описании «чужой» идеальной реальности (С-реалии) возможны два варианта.

1. Описание «чужой» реальности, ставшей частью своей, средствами своего языка по типу «освоенная чужая С-реалия > своя L-реалия». При этом в концептосфере языка-получателя появляется новое значение, в словаре (или фразеосфере) – новая номинативная единица, но «своя»: состоящая из собственных морфем или словоформ. Ср.: *Commune de Paris – Парижская коммуна (Первая пролетарская революция и первое правительство рабочего класса)*. В таком случае мы имеем кальку или калькированную С-реалию.

2. Описание чужой реальности, ставшей частью своей, средствами чужого языка. Процесс реноминации в этом случае осуществляется по типу «освоенная чужая С-реалия > чужая L-реалия». Все лакуны в процессе реноминации заполнены. В концептосфере языка-получателя появляется новое, «чужое» значение, в словаре – новая «чужая» лексема. Ср., например, *Alliance française – Альянс Франсэз (Государственная организация по распространению французского языка и французской культуры. Создана в 1883)*. В подобных случаях мы имеем заимствованную L-реалию. В результате получаем системное представление способов описания «чужой» действительности средствами «своего» языка, а также процессов и лингвистических последствий процессов заимствования чужой материальной культуры, чужой духовной культуры и чужой лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донец П. Н. Перевод и межкультурная адаптация текста / П. Н. Донец // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 1. – С. 29–39.

2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.

3. Залевская А. А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: избр. тр. / А. А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

5. Сорокин Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику: учеб. пособие / Ю. А. Сорокин; под ред. С. А. Борисовой. – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 1998. – 138 с.

6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / пер. с фр.; под ред. А. А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – С. 31–269.

7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 4-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.

9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 262 с.

12. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

13. Россия: большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 736 с.

14. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 240 с.

15. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.

16. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю. А. Сорокин. – М.: Гнозис, 2003. – 160 с.

17. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: «Р. Валент», 2006. – 448 с.

18. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

19. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

20. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

21. Фененко Н. А. Французские реалии в контексте теории языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Фененко. – Воронеж, 2006. – 36 с.

22. Кретов А. А. Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник

Воронеж. гос. ун-та. – Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.

23. Франция : лингвострановедческий словарь : 7000 единиц / под ред. Л. Г. Ведениной. – М. : Интердиалект+ : АМТ, 1997. – 1040 с.

Воронежский государственный университет

Кретов А. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

E-mail: a_a_kretov@rambler.ru

Тел.: (473) 220-41-49

Фененко Н. А., доктор филологических наук, декан факультета романо-германской филологии

E-mail: france@rgph.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 220-84-22

24. Кретов А. А. К типологии реалий и лакун / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. тр. / [под ред. Н. А. Фененко]. – Воронеж : ИПЦ Воронеж. гос. ун-та, 2012. – Вып. 10. – С. 39–45.

Voronezh State University

Kretov A. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Theoretical and Applied Linguistics Department

E-mail: a_a_kretov@rambler.ru

Tel.: (473) 220-41-49

Fenenko N. A., Doctor of Philology, Dean of the Romance and Germanic Philology Department

E-mail: france@rgph.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 220-84-22